

Е. В. Выгузова

ЭЛИТАРНЫЕ КЛУБЫ КАК ПРОСТРАНСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Клубы являются неотъемлемым элементом русской культуры. Современное общество характеризуется парадоксальной ситуацией. С одной стороны, в условиях стандартизированного образа жизни человек стремится создать собственное культурное пространство, отделяющее его от остального мира. С другой стороны, в философии XX в. не случайно звучат мотивы покинутости, отчужденности, постоянного поиска «другого». В эпицентре бесконечных перемен, в условиях нестабильности человек массового общества чувствует себя одиноким. Проблема одиночества порождает встречную проблему общения. Что, в свою очередь, способствует созданию неких оазисов культуры, локальных культурных сообществ. Одной из самых распространенных форм такого сообщества являются клубы.

Нам представляется возможным остановиться на следующем определении этого достаточно сложного понятия: клуб — это реальное или воображаемое сообщество, формирующееся на основе каких-либо частных интересов субъектов в процессе коммуникативного взаимодействия в определенном локализованном социокультурном пространстве. Клубы начала XXI в., с одной стороны, несут на себе явный отпечаток современной культуры. С другой стороны, они вписаны в общекультурную традицию. Изучение феномена клуба невозможно без обращения к опыту прошлого.

Клуб представляет собою элемент целостности культурного пространства, являясь в то же время особым пространством внутри этой целостности. Варианты «наполнения» клубного пространства настолько многообразны, что не представляется возможным подвести все клубы к общему знаменателю. Если говорить о вертикальном векторе пространства культуры, то клубы можно разделить на элитарные и неэлитарные.

Прежде всего необходимо определить, что мы понимаем под словом «элита» (от фр. *elite* — лучшее, отборное, избранное), поскольку смысл, который вкладывают в это понятие различные исследователи, нередко значительно расходится. Основоположником теории элит принято считать итальянского социолога Вильфредо Парето, который определял элиту как группу лиц, имеющих наивысшие показатели в той или иной сфере деятельности. В. Парето также обозначал элиту как людей, занимающих высокое положение соответственно степени своего влияния, политического и социального могущества. Ему принадлежала идея разделения элиты на непосредственно властную, правящую, и продуктивную — элиту, создающую духовные ценности.

Вслед за В. Парето, большинство современных исследователей, различают понятия социальной элиты (политической, правящей) и культурной элиты (духовной, творческой). Изучению социальных элит посвятили свои работы Г. Моска, Дж. Перри, Д. Белл. Политическая элита определяется известным российским элитологом О. В. Гаман-Голутвиной как «внутренне сплоченная, составляющая меньшинство общества социальная группа, являющаяся субъектом подготовки и принятия важнейших стратегических решений и обладающая для этого необходимым ресурсным потенциалом» [Гаман-Голутвина, 2000, 99]. Именно в этом значении термин «элита» получил наибольшее употребление в исследованиях по социологии и политологии.

В рамках социальной философии и культурологии под элитой понимается сообщество людей, избранных по личным заслугам, достоинствам и нравственным качествам. Культурные элиты объединены не экономическими, политическими, социальными и собственно властными интересами, а идеями, духовными ценностями, социокультурными нормами и т. д. Это в значительной степени размытый по своим социальным «очертаниям» общественный слой, который существует в качестве специфической духовной, идеальной и, условно говоря, виртуальной общности людей. Культурная элита формируется из достойных представителей всех социальных слоев.

Нуждается в определении также термин «аристократия», важный в контексте нашего исследования. Аристократию можно охарактеризовать как исторически сложившийся, наследственно правящий класс, пользующийся особыми правами и преимуществами (от гр. *αρίστος* — лучший, *κράτος* — власть). Политическое влияние и круг лиц, относящихся к аристократии, определяются конкретными историческими условиями и особенностями той или иной страны. Аристократию традиционно причисляют к социальной элите, рассматривают как одну из ее исторических форм. Между тем в традиционных доиндустриальных обществах аристократия, как правило, представляла собой и политическую и культурную элиту одновременно. На рубеже XIX—XX вв. аристократия как класс, сословие исчезает. Формируются новые вертикали в социальной структуре, возникают иные варианты политических элит. В чем причины исчезновения аристократии как социальной группы? Какую роль в жизни аристократического сословия играли элитарные клубы? Этим вопросам и посвящена наша статья.

Во второй половине XVIII в. в Европе начался процесс отрицания наследственных прав и привилегий аристократии. Просвещение отвергло представление о том, что мировой порядок является отражением Божественной воли. Целью человеческой жизни стало счастье на земле, а не спасение на небесах. Теперь достоинство и престиж должны были определяться тем вкладом, который вносит человек в переустройство правления, общества, экономики. В XIX в. «идеи 1789» г. были подкреплены революционными преобразованиями в промышленности, средствах связи и образовании, созда-

нием общества, над которым аристократия не могла властвовать в традиционной манере.

Еще в XVII в. на рубеже Нового времени в Европе усилились процессы социальной мобильности. Человек получил возможность легко передвигаться не только в географическом, но и в социальном пространстве. По словам М. С. Кагана, «сословная структура феодализма и религиозные устои сознания ставили жесткие границы широкому развитию личности. Оно было развязано стихией буржуазных отношений, требовавших свободной активности индивида, способного самому определять свою судьбу — вплоть до возможности маленького корсиканского офицера стать императором Франции, а затем властителем Европы» [Каган, 1996, 117]. В условиях урбанизации и возросшей социальной мобильности смягчалось социальное расслоение, сближались жизненные стандарты разных общественных групп. Аристократия использовала все возможные механизмы, чтобы замедлить этот необратимый процесс.

Стремлению обособиться и противопоставить себя другим общественным группам как нельзя лучше соответствовали моносословные формы досуга. Д. Ливен отмечает: «Возможность контролировать доступ в гостиные, клубы или соответствующие конклавы на скачках являлась формой власти над обществом и средством навязывать аристократические манеры и даже ценности новым восходящим элитам» [Ливен, 2000, 22].

Американским экономистом и социологом Т. Вебленом разработана так называемая теория праздного класса, посвященная социальным элитам. Согласно Т. Веблену, верхние слои общества традиционно не были заняты в системе производства, они были поглощены определенными занятиями, считающимися «почетными». К таким занятиям прежде всего относились военное дело и священнослужение.

Представители класса собственников стремились демонстрировать свое богатство. Праздная жизнь являлась самым наглядным и убедительным доказательством денежной силы, а следовательно, и превосходства в силе вообще. По мнению Т. Веблена, праздный образ жизни и «демонстративное поведение» являлись важнейшими свойствами «праздного класса»: «Знание хороших манер и навык приходят в результате продолжительной практики. Утонченный вкус, изысканные манеры и образ жизни являются пригодными доказательствами благородного происхождения, потому что хорошее воспитание требует времени, сил и расходов и, следовательно, выходит за пределы возможностей тех, чьи силы и время поглощаются работой» [Веблен, 1984, 89]. С точки зрения Т. Веблена, весь образ жизни социальных элит был подчинен постоянной и даже обременительной демонстрации праздности.

Совместное проведение досуга с людьми своего круга являлось неопровержимым доказательством, подтверждающим сословные привилегии. Возникают особые культурные пространства, в которых представители социаль-

ной элиты могут репрезентировать себя в своей среде (среди людей того же социального положения, объединенных общими интересами) в неформальной атмосфере. К таким пространствам относятся элитарные клубы.

Элитарные клубы — это закрытые клубы, куда «чужой», «другой» человек попасть не могут. Здесь каждый заранее определял свое окружение, становясь членом данного клуба. Он гарантированно освобождался от внимания посторонних людей. Доступ в элитарные клубы был очень тщательно регламентирован. Отбор осуществлялся в первую очередь финансовым путем: вступительные и ежегодные членские взносы нередко представляли очень внушительные суммы. Кроме того, в большинстве случаев кандидаты подвергались строгому персональному отбору. Нередко для вступления в клуб требовались рекомендации от его членов, право доступа в другие клубы передавалось только по наследству.

Родиной клуба в современном значении этого слова принято считать Англию, где как особый социокультурный институт он возник в XVI в. в форме обеденного товарищества в общественных местах — как продолжение античной и средневековой традиции трапез. Самое раннее упоминание об «обеденном клубе» содержится в поэмах Томаса Хокклева, современника Генриха IV. Наряду с тавернами прототипами клубов выступают кофейные дома. Можно проследить, как *coffee-houses* постепенно превращались в *coffee-clubs* и непосредственно в *clubs*.

Процесс дифференциации клубов начался практически одновременно с их появлением. Лондон — один из первых городов, где люди стали объединяться в клубы, здесь же начинается разделение клубов на элитарные и неэлитарные. Как отмечает Б. В. Марков, в Лондоне рано сложилась дифференциация городских кварталов по уровню дохода их жителей. Земля — главная ценность в городе — принадлежала землевладельцам, и они без всяких указаний власти использовали ее весьма рационально: например, дома бедноты из центра переносились на окраину. Социальная дифференциация была очень высокой: 1 % жителей владел 70 % собственности [см.: Марков, 1999, 175].

К середине XIX в. в Лондоне появились целые клубные улицы — Пэлл Мэлл и Сент-Джеймс. Помпезность особняков в форме итальянских палаццо подчеркивала престиж располагающихся в них клубов. Н. Д. Алхазова и А. И. Кройтореску описывают внутреннее пространство элитарного английского клуба следующим образом: «В клубах побогаче к услугам завсегдатаев библиотека с книгами на любой вкус, мягкие, глубокие кресла в роскошной гостиной, где можно и почитать, и подремать, и перекинуться словом с соседом (если вы были представлены друг другу). В некоторых есть жилые комнаты... а некоторые имеют и предметы их особой гордости — винные погреба» [Алхазова, Кройтореску, 1989, 183—184]. Клубы в Лондоне до сих пор подчинены строгой иерархии. Впрочем, принцип «скажи, к какому клубу ты принадлежишь, и я скажу, кто ты» справедлив применительно ко всем британским клубам.

П. Бурдьё вводит особое понятие — эффект клуба. Подобный эффект является следствием устойчивого объединения в рамках одного и того же пространства (дорогих кварталов или великолепных особняков) людей и вещей, «похожих друг на друга тем, что их отличает от огромного множества других, что у них есть общего, не являющегося общим. Эффект клуба действует в той мере, в какой эти люди исключают по праву (с помощью более или менее афишированной формы *numerus clauses*) или по факту (чужак обречен на некоторое внутреннее исключение, способное лишить его определенных прибылей от принадлежности) не проявляющих всех желательных свойств или проявляющих одно из нежелательных свойств» [Бурдьё, 1993, 48—49]. Согласно Бурдьё, богатые кварталы сами по себе функционируют как клубы, основанные на активном исключении нежелательных лиц. Они символически посвящают каждого из своих обитателей, позволяя ему участвовать в общем «капитале».

Полной противоположностью «эффекту клуба» Пьер Бурдьё называет «эффект гетто», когда «гетто символически разлагает своих обитателей, объединяя в некоторой резервации совокупность агентов, которые, будучи лишены всех козырей, необходимых для участия в различных социальных играх, могут делиться только своим отлучением» [Бурдьё, 1993, 49]. Бурдьё также отмечает, что объединение в одном месте людей, похожих в своей обделенности, в результате удваивает это лишение, особенно в области культуры и культурной практики. В то время как культурные практики наиболее обеспеченных слоев населения, напротив, укрепляются, благодаря концентрации этих людей в одном месте.

В определенной мере мнение П. Бурдьё заслуживает доверия, но следует отметить, что у этого процесса исключения «иного» есть и другая сторона — объединение тех, кто допускается в «свое» пространство. Тем самым действует некий механизм, приводящий к созданию границы, которая отделяет малое культурное пространство от целостности культуры.

Символическим культурным формам принадлежит важная роль в поддержании и воспроизведении социального порядка, социальной иерархии. Одной из таких форм является этикетное поведение. Подчинение человека этикетным правилам демонстрирует его включенность в данный строй бытия, его согласие с отведенным ему там местом, а значит, его принадлежность к этому типу культуры.

Общеизвестен тезис о непрерывном процессе формирования самосознания человека в сообществе благодаря взаимодействию с другими людьми. Важный элемент этого взаимодействия — ожидания и оценки этих других, обращенные к действующему лицу и становящиеся частью его внутренней мотивации. В. И. Карасик в книге «Язык социального статуса» отмечает, что в ситуации этикетного поведения является необходимым наличие слушателя или зрителя: «Наблюдатель рассматривается как носитель нормы, как представитель нормирующего коллектива, как выра-

жение социального окружения, на фоне которого протекает конкретный коммуникативный акт» [Карасик, 2002, 93].

Со времени возникновения этикета в современном смысле этого слова (как совокупности правил поведения в обществе) он выступал особой знаковой системой, призванной обеспечивать представителю дворянства ощущение собственной исключительности. Л. С. Лихачева в книге «Школа этикета» отмечает: «Этикет... позволял отличать людей “своего круга” от всех прочих, и в этом смысле он действительно был “этикеткой”, “ярлыком”. Передаваясь на протяжении нескольких столетий от поколения к поколению, нормы этикета закрепляли существовавшую сословную иерархию на уровне привычных, обычных, повседневных форм поведения» [Лихачева, 1995, 22].

В контексте нашей темы символичным представляется словосочетание «свой круг», выражающее степень осознания культурной границы, отделяющей от иного — «чужого» круга. Круг — это люди, составляющие ближайшее окружение. Взаимоотношения членов круга построены на доверии, но одновременно предполагают соблюдение общепринятых норм и традиций. Наблюдая стиль поведения того или иного человека в неформальной обстановке, в пространстве клуба, члены сообщества выносили решение о принадлежности его к «своему кругу».

Стоит отметить, таким образом, что этикет появился как особая система норм, сознательно разрабатываемая и культивируемая для закрепления социокультурной дифференциации. И только со временем значение этикета как набора правил, которые организуют и упрощают поведение людей, делают человеческое общение более приятным, становится доминирующим.

Чем более шатким становилось материальное и социальное положение аристократии в обществе, тем больше для нее самой, для ее социокультурной самоидентификации имело значение владение хорошими манерами. Чтобы сохранить недоступность высшего общества и заставить его новых членов, как молодых аристократов, так и тех, кто пробился из более низких слоев, сообразовываться с принятым кодексом приличий, в светских кругах выполнялось множество правил и условностей. Правила этикета, как и прежде, позволяли членам высшего общества решать, следует ли принять или отвергнуть новых претендентов.

Таким образом, элитарные клубы в Англии, а за тем и по всей Европе возникают как культурные пространства обособления и сохранения элиты общества. Появление элитарных клубов удовлетворяло потребность аристократии в социокультурной самоидентификации. В условиях революционных изменений в обществе и культуре в целом представители аристократии обрели необходимую поддержку в солидарности членов своей группы.

Каждая страна вносит в деятельность клубов свои акценты. Несмотря на национальную специфику, причины объединения людей в элитарные клубы в разных странах представляются во многом схожими. Рассмотрим ситуацию возникновения клубов в России.

Со времени правления Петра I в повседневный быт русского дворянства все больше входили западные обычаи, вкусы и представления. Петру I были необходимы достижения и опыт Европы в первую очередь для проведения промышленной, административной, хозяйственной, финансовой реформ, для решения задач внешней политики. Успех этих реформ Петр I связывал с формированием нового мировоззрения, перестройкой культуры и быта русского дворянства в соответствии с европейскими ценностями и стандартами. В этой связи можно говорить о европеизации как государственной программе преобразования русского общества.

Важную роль в культурном развитии России сыграли ассамблеи — вольные собрания, открывавшиеся по вечерам в знатных домах по установленному порядку. Петр I сам составил правила организации ассамблей и правила поведения на них гостей, руководствуясь впечатлениями от французских «ассамблей», на которых он бывал во время заграничных поездок. И хотя неприужденность и неподдельное веселье, умение вести светский разговор и, наконец, танцевать, далеко не сразу были достигнуты на русских ассамблеях, тем не менее открывалась новая форма общения людей. Здесь реализовывалась общественная жизнь дворянина, когда он не был уже частным лицом в быту или человеком на государственной службе — он был дворянином в дворянском собрании, человеком «своего» сословия среди «своих». Ассамблеи знаменуют собой появление публичного пространства. С одной стороны, ассамблеи разрушили прежнюю замкнутость, общение представителей дворянского сословия между собой стало более раскрепощенным, свободным. С другой стороны, именно в сфере публичного пространства поведение человека становится в максимальной степени ритуализованным, подверженным культурным условностям.

Ассамблеи первой четверти XVIII в. упомянуты нами не случайно. Их значение состоит еще и в том, что они являются прообразом сразу нескольких форм организации дворянского досуга в последующее время — салонов, кружков и, что особенно важно для нас, клубов.

Замкнутый, обособленный домостроевский быт старой Руси постепенно заменялся более открытыми формами жизни, свободой в обращении с людьми своего круга. Время правления Петра I стало временем рождения новой культуры — культуры светского, внецерковного характера, культуры, ориентированной на европейские ценности и образцы. Как уже отмечалось ранее, переход к Новому времени в Европе также сопровождался секуляризацией всех сторон жизни, когда церковь уступила доминирующее положение другим пространствам культуры, во многом, впрочем, сохраняя свое влияние. В России церковь и по сей день является влиятельным социальным институтом.

Но при всех видимых переменах оставались неизменными многие существенные глубинные механизмы функционирования культуры. Г. Д. Гачев обозначает как характерную черту русской культуры — «несоответствие

шага Пространства и шага Времени» [Гачев, 1994, 27]. Вследствие этой особенности российской ментальности Петровские реформы не могли сразу охватить все общественные группы, тем более что осуществлялись они неорганично. Разрыв между сословием, находящимся на верхней ступени иерархии, которое теперь европеизировалось, и низами общества значительно углубился.

К концу XVIII в. связи, когда-то объединявшие сторонников Петровских реформ и его сподвижников из разных социальных слоев, ослабли, «сословия, как планеты, начали разбегаться друг от друга. Клубная жизнь, имущественные пороги, табели о рангах, ряд других (в том числе территориально-хозяйственных) факторов сами собой распределяли людей по более или менее изолированным социальным “клеточкам”, предопределяя их маршруты в культурном пространстве» [Развлекательная культура России..., 2000, 495]. Каждый из социальных слоев российского общества стал формировать свою более или менее специфическую совокупность коммуникативных и знаковых практик, отражавшуюся в первую очередь на обиходных установлениях и принятых культурных формах.

Один из самых характерных примеров — особая роль французского языка в рамках дворянской культуры. Это роль социокультурного знака, определяющего принадлежность к дворянскому сословию. Во многом благодаря этой функции французского языка дворянская корпорация приобретает замкнутый, кастовый характер [см.: Иванова, электрон. ресурс].

Если употребить метафору, предполагая уже не только разговорный язык, но язык культуры в целом, то в результате развития многих искусственных форм поведения в России, как и в Европе, образ жизни дворян превратился в сложную систему, в которую трудно было включиться не только по соображениям экономического или политического характера, но и по причинам культурным, поскольку необходимо было много времени потратить на усвоение ее символического языка и на умение владеть им. Этот язык касался индивидуального поведения, отношения носителя этой культуры к телу, одежде, поведению в домашней обстановке, к общению с другими и т. д. Кроме того, в дворянской среде культивировались особые формы досуга, такие как визиты, балы, салоны, спортивные развлечения и, конечно, клубы.

В России, равно как и в Англии, клубы воплощают одну из форм сохранения аристократией своего господствующего положения в обществе. В период правления Екатерины II в XVIII столетии клубы появились именно как элитарные объединения, предназначенные для дворянского сословия. И вплоть до революционных событий начала XX в. клубы в России сохраняли по преимуществу элитарный характер. Дворянство (аристократия) в России представляло собой как политическую, так и культурную элиту одновременно.

С первых дней существования Английского клуба в Москве (самого закрытого и привилегированного клуба в России) и до середины XIX в. в клубе

доминировали представители знаменитых дворянских родов — князя Юсуповы, Голицыны, Оболенские, Долгорукие и др. Постоянными посетителями клуба по должности были высшие чины московской власти — от генерал-губернатора до полицмейстера. В клубе состояли многие офицеры и генералы русской армии. Выдающиеся полководцы были отмечены званием почетных членов клуба, среди них герой многих войн князь П. И. Багратион, наместники Кавказа А. П. Ермолов и светлейший князь М. С. Воронцов. Одновременно почти столетие в клубе состояли Пушкины. Сначала отец и дядя Александра Сергеевича, сам великий русский поэт, а затем и его сын — Александр Александрович. Е. А. Баратынский, П. Я. Чаадаев, М. А. Дмитриев, Н. В. Сушков, семья Аксаковых, Н. И. Надеждин, П. А. Вяземский, князь В. Ф. Одоевский и многие другие представители литературного мира России входили число членов клуба [см.: Буторов, 1999].

Элита в России конца XVIII — первой половины XIX столетия имела общее наименование — большой (высший) свет. В. А. Жуковский в статье «Писатель в обществе» дает следующее определение высшему свету: «Большой свет означает круг людей отборных, не скажу лучших, превосходных пред другими состоянием, образованностью, саном, происхождением: это республика, имеющая свои законы, покорная собственному идеальному и всякую минуту произвольно сменяемому правителю — моде, где существует общее мнение, где царствует разборчивый вкус, где раздаются все награды, где происходит оценка и добродетелей и талантов. Вообразите множество людей обоего пола, одаренных от фортуны или избытком, или знатностью, соединенных одни с другими естественною склонностью к общежитию, поставляющих целью своего соединения одно удовольствие, заключенное в том единственном, чтобы взаимно друг другу нравиться, — и вы получите довольно ясное понятие о том, что называется большим светом...» [Жуковский, 1960, 393].

Отношение к дворянству со стороны других сословий было амбивалентным. С одной стороны, им восхищались и стремились ему подражать. С другой стороны, можно было наблюдать презрение и враждебность. Но именно эта амбивалентность отношения и характеризует элемент состязательности между сословиями. Такая ситуация требовала от дворян создания систем общения, ограниченных лишь дворянской средой. Однако это не означает, что дворяне создают общество в обществе, исключая контакты и отношения с другими сословиями. Здесь следует иметь в виду, что, несмотря на тенденцию к обособлению отдельных слоев, культура существует и функционирует как единая система, элементы которой находятся во взаимодействии.

Н. А. Хренов в книге «Мифология досуга» отмечает интересную особенность: обособление сословий в Москве хотя и имело место, но не достигало таких крайних форм, как в Петербурге. С точки зрения Н. А. Хренова, это объясняется тем, что основной причиной критики дворянства со стороны других сословий была его ориентация на Европу. В Москве европейское влияние ощущалось слабее, чем в Петербурге. Нравственные и культурные цен-

ности, нормы традиционной культуры сохранялись во всех сословиях, в том числе и в дворянской среде [см.: Хренов, 1998].

Возникновение такой формы культурного пространства, как клубы, было обусловлено не только необходимостью единения высшего сословия, обособления и противопоставления его другим общественным группам, но и желанием аристократии так или иначе выделиться среди «своих». Речь идет о дифференциации самой дворянской среды и образовании в ней сообществ «посвященных», культивирующих специфические традиции и церемонии.

С этой точки зрения пространство клуба можно рассматривать как игровое пространство, в котором реализуется потребность человека в состязании, соперничестве. Одной из форм «человека играющего» является «форма состязательности между разными группами внутри одного и того же сословия, что можно проиллюстрировать такими возникающими и распространяющимися формами группового общения в дворянской среде, как масонские ложи, клубы, салоны, собрания и т. д.» [Там же, 235]. Дворянин в клубе находился в окружении не только друзей, но и соперников. В пространстве клуба происходило непрерывное состязание в умении держать себя, соблюдать определенные традиции (здесь все было важно: размер состояния, манеры, одежда, украшения, осанка, умение танцевать и поддерживать беседу, удачно шутить и т. д.).

Структурообразующая роль игры в социокультурной реальности представляется одной из самых интересных проблем в культурологическом знании. Клубное пространство не случайно является одной из особых территорий культуры, предназначенных для игрового действия. Игра требует сообщества, партнерства. Организации, корпорации, ассоциации и, конечно, клубы используют игровые формы для укрепления своего внутреннего пространства как механизм обособления от окружающего мира. Этикетные формулы поведения также являются своего рода игрой, но игрой, к которой участники должны относиться как к серьезному и общеобязательному виду деятельности.

Со значительным опозданием в сравнении с процессами, происходившими в Европе (со второй половины XIX столетия), в русском обществе все более заметную роль стали играть представители буржуазии — купцы, финансисты, промышленники. Русские «миллионщики» получили доступ в элитарные клубы. Членами элитарных клубов были такие известные благотворители и меценаты, как С. И. Мамонтов, К. Т. Солдатенков, П. И. Харитоненко, прославленные купеческие династии Морозовых, Щукиных и др.

Купечеству всегда принадлежала особая роль в истории Российского государства. Часть «третьего сословия» отличалась невежеством, грубыми нравами и предрассудками. Лучшие же представители купечества развивали промышленность и торговлю, наполняли рынок товарами, вносили неоценимый вклад в социальное развитие и культуру страны. За редкими

исключениями почти все они занимались благотворительностью. Многие семьи вели настоящее соревнование в строительстве церквей, богаделен, больниц, недорогих столовых и т. д. Среди купцов бытовала назидательная формула: «Богатство обязывает».

Нарастающая в течение XIX столетия коммерциализация театров, концертов, клубных и иных мероприятий, ранее являвшихся статусной привилегией высших сословий империи, привела к тому, что в залах перед сценическими площадками и на балах аристократия и подражающая им верхушка купеческого и предпринимательского слоя оказывались рядом, в одном досуговом пространстве. Социальная дистанция между аристократией и классом «деловых людей» не давала возможности обойтись без культурного конфликта.

Буржуазия стремилась подражать в стиле жизни дворянскому сословию, но при этом внешние формы всегда преобладали над содержанием. Е. В. Дуков отмечает: «Свободный доступ представителей разных сословий в театры и на концерты, в том числе проводившиеся в дворянских собраниях, российские аристократы переживали как вторжение наполеоновской армии в свою страну. Отличия в облике и поведении этих новичков на своей культурной территории они ощущали очень остро, рассматривая их как что-то наносное, неорганичное и для себя чуждое» [Развлекательная культура России..., 2000, 500]. Таким образом, в России, как и в Европе, воспитанные с рождения хорошие манеры служили маркирующим знаком, позволявшим аристократии отличать «своих» от «чужих».

Подведем некоторые итоги. С помощью клубов аристократия объединялась, чтобы проводить досуг, хотя функции клуба выходили далеко за пределы досуговой сферы. Они касались укрепления сословного единства и формирования ценностных ориентаций дворянства. Элитарные клубы, как в Европе, так и в России, с одной стороны, способствовали объединению аристократической элиты; с другой — позволяли подчеркнуть особую социокультурную значимость и особый статус аристократии в общественной иерархии, закрепляя обособленное положение элиты в общественной системе.

Проблема аристократии состоит в том, что в силу своего исключительного положения она стремится к совершенствованию, более полной самореализации, а в то же время очень сильно ее стремление к сохранению исходной целостности и гармоничного единства, что обеспечивает жизнеспособность ее в качестве социальной элиты. Парадоксальность заключается также в том, как отмечает Л. С. Лихачева, «что чем более закрытой оказывается элита, тем скорее и в большей степени ее культурные стандарты и атрибуты становятся предметом интереса и подражания в массе. Это своего рода парадокс “условности полярностей”» [Лихачева, 2000, 28]. Социальные изобретения никогда не охватывают сразу все общество в целом, они зарождаются в группах — это доказанная закономерность общественного и культурного раз-

вития [см. об этом: Козлова, 1998]. Аристократия (дворянство) выполняет роль «пилотной группы» (термин введен Н. Элиасом), достижения и нововведения которой, распространяясь в других слоях общества, постепенно приобретают общесоциальный характер.

Несмотря на все усилия, предпринятые аристократическим сословием с целью приостановить объективные процессы, происходившие в индустриальном обществе, аристократия как социальная группа исчезает в конце XIX — начале XX в. Общественные элиты XX—XXI столетий, пришедшие на смену аристократическому сословию, крайне неоднородны с точки зрения социально-политического происхождения, ценностных и мировоззренческих ориентаций. Современные элиты по-прежнему нуждаются в социокультурной самоидентификации, в подтверждении своего особого статуса в общественной системе. Элитарные клубы и сегодня остаются востребованной формой культурного пространства, особенно в России, которая переживает период модернизации всех сторон жизни. Структурировать культурное пространство нового мира, которое мы сегодня сознательно моделируем, невозможно вне малых культурных пространств, репрезентирующих общественные элиты. Изучение элитарных клубов как формы пространства современной российской культуры — предмет отдельного исследования.

Алхазова Н. Д., Кройтореску Л. И. В королевстве, где говорят по-английски. Кишинев, 1989.

Бурдые П. Социология политики. М., 1993.

Буторов А. В. Московский английский клуб: Страницы истории. М., 1999.

Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

Гаман-Голутвина О. В. Политическая элита — определение основных понятий // Полис. 2000. № 3. С. 97—103.

Гачев Г. Д. Российская ментальность // Вопр. философии. 1994. № 1.

Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М.; Л., 1960.

Иванова Н. Н. Франко-русское двуязычие в культуре российского дворянства первой четверти XIX века // Межкультурный диалог в историческом контексте: Материалы науч. конф. [Электронный ресурс] / РАН. Ин-т всеобщ. истории. Режим доступа: http://www.ign/conf/30_31_03.

Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996.

Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 2002.

Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. М., 1998.

Ливен Д. Аристократия в Европе, 1815—1914. СПб., 2000.

Лихачева Л. С. Школа этикета. Екатеринбург, 1995.

Лихачева Л. С. Этикет в социальном взаимодействии: методологические возможности полипарадигмального подхода: Дис. ... докт. социол. наук. Екатеринбург, 2000.

Марков Б. В. Храм и рынок: Человек в пространстве культуры. СПб., 1999.

Развлекательная культура России XVIII—XIX веков: (Очерки истории и теории). СПб., 2000.

Хренов Н. А. Мифология досуга. М., 1998.